

УДК 304.44

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-80-86

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Евстифеева Е. А.¹, Морозова О. Ю.²¹Тверской государственный технический университет

170000, Тверская обл., г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

²Независимый исследователь, г. Тверь, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ основных концепций «социальных практик», изучение генезиса данного понятия в социальной философии и социологической науке, а также экспликация прикладной значимости «социальных практик» и «габитуса» в повседневной жизни индивида.

Процедуры и методы. В процессе изучения объекта исследования нами применялись социально-философский, общенаучные и частнонаучные (социологические) методы.

Результаты. Представлены анализ и интерпретация основных концепций социальных практик и понятий «социальные практики» и «габитус», выделена значимость анализа социальных практик в условиях трансформации в первую очередь российского общества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Основная значимость изучения конкретных «социальных практик» заключается в возможности, с одной стороны, выявить наличные поведенческие паттерны масс и тенденции к их изменению. Одновременно с этим подробный анализ конкретных социальных практик позволяет вероятностно прогнозировать траекторию по трансформации габитуса в пределах исследуемого общества.

Ключевые слова: габитус, индивид, поворот к практике, социальная практика, социальное действие, социальный институт, социальный субъект

THE CONCEPT AND GENERAL CLASSIFICATION OF SOCIAL PRACTICES

E. Evstifeeva¹, O. Morozova²¹Tver State Technical University

nab. Afanasy Nikitin 22, Tver 170000, Tver Region, Russian Federation

²Independent Researcher, Tver, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the main concepts of “social practices”, to study the genesis of this concept in social philosophy and sociological science, and to explicate the applied significance of “social practices” and “habitus” in the everyday life of an individual.

Methodology. In the process of studying the object of research we applied socio-philosophical, general scientific and private scientific (sociological) methods.

Results. The analysis and interpretation of the main concepts of social practices and the notions of “social practices” and “habitus” are presented, the significance of the analysis of social practices in the conditions of transformation of primarily Russian society is highlighted.

Research implications. The main significance of the study of specific “social practices” lies in the possibility, on the one hand, to identify the current behavioral patterns of the masses and the tendencies for their change. At the same time, a detailed analysis of specific social practices makes it possible to forecast the trajectory of habitus transformation within the society under study.

Keywords: habitus, individual, turn to practice, social practice, social action, social institution, social subject

Введение

По мере фокусировки социальной науки на повседневной жизни (что в англоязычной литературе называется *practice turn* – поворот к практике) всё больший интерес исследователей привлекала концепция социальных практик – вычленения ежедневных социальных активностей и превращения их в самостоятельный предмет изучения. По сути, социальные практики как поддисциплина социальных наук и сделали своим предметом изучения наличную повседневность – взаимодействия, коммуникации, которые мы выполняем автоматически, не обращая на них внимания.

Основные трактовки понятия «социальная практика»

Свое начало эта концепция берёт с 1970-х гг., когда была опубликована работа «Набросок теории практики» П. Бурдьё [3]. В это же время появляется исследование К. Гирца «Интерпретация культуры» [8].

Собственно, П. Бурдьё и стал основоположником одного из трёх ключевых подходов к изучению социальных практик – структуралистского конструктивизма. Два других – теория структуризации Э. Гидденса и этнометодология Г. Гарфинкеля.

П. Бурдьё интерпретировал социальные практики как деятельность индивида (социального субъекта). Эта деятельность звучала как проверка своих поведенческих актов в корреляции с уже устоявшимися в обществе представлениями о внешнем мире или окружающей действительности. Каждый акт, соответственно, носил бинарный характер, в результате которого индивид определял, что «для меня», а что «не для меня». Таким образом, социальный субъект постоянно адаптируется в динамически меняющемся обществе и подстраивается под условия существования в настоящем и будущем. Здесь важно то, что под такими актами Бурдьё понимает как действия субъекта, направленные на изменение реальности вокруг него, так и каждодневные, порой бессознательные и даже нелогичные акты.

В работах Бурдьё также вводится принципиально новый термин *габитус*, который понимается как «система устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие практики и представления...» [3, с. 102–108]. Габитус, согласно концепции учёного, является источником, производящим бесконечное множество социальных практик.

По Э. Гидденсу [7], социальные практики оказывают влияние на формирование как субъекта, так и непосредственно социального объекта, подчинены строгому паттерну и не могут существовать вне пространственно-временного контекста, следовательно, они являются приобретёнными, и индивиды обречены на бесконечное их воспроизведение. Таким образом, социальные практики, становящиеся самостоятельным предметом изучения, также становятся социальной призмой, через которую можно изучать саму концепцию «повседневности».

Г. Гарфинкель [6, с. 3–25] предложил другой подход. В своей концепции социальных практик он анализировал свойства и качества социальных практик. Так, по Гарфинкелю, ключевым свойством социальных практик является «их объяснимость, их наблюдаемость и сообщаемость, их рефлексивный характер, когда действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают для того, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми, а смысл поведения должен быть обнаружен в самом поведении» [6, с. 8]. В этнометодологии Гарфинкеля ключевой целью существования социальных практик становится автоматизация решений задач, возникающих в повседневности. Здесь для сравнительного анализа укажем на монографию А. Г. Дугина «Этносоциология», где использовалась разнообразная методология этносоциологического анализа и социаль-

но-философский анализ к понятиям «общество», «этнос», «народ»¹.

В концепции социальных практик Э. Гидденс редуцировал понятие социальной практики до достаточно близкого к нему «социального действия», над концепцией которого рассуждали ещё Т. Парсонс [11] и М. Вебер. У М. Вебера социальное действие – это «действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [4, с. 603]. В его системе координат у социального действия есть структура: в неё входят сам акт, субъект и объект исполняемого социального действия, предполагаемый результат, а также контекст – социальная ситуация и нормативная система, в которых этот акт осуществляется. Как мы видели из изложенного выше, фактически та же концепция лежит и в основе категорий габитуса и трактовки социальных практик Бурдьё: единство цели, контекста, объекта и субъекта.

Через эти определения Э. Гидденс приходит к концепции рутины как чего-то, что позволяет сохранить целостность личности субъекта, а П. Бергер и Т. Лукман выводят концепцию хабитуализации (опривычивания) социальных действий, которая лежит в основе всех социальных действий [2]. Хабитуализация становится общей для всей социологической науки. П. Сорокин пишет, что через хабитуализацию индивиды формируют общий фундамент для построения двусторонних или многосторонних отношений. В дальнейшем Гидденс, Бергер и Лукман через хабитуализацию выводят и институционализацию. Таким образом, в основе всех социальных институтов лежат социальные практики, прошедшие хабитуализацию.

Развивая мысль, приведённую П. Бергером и Т. Лукманом, можно заключить, что социальной практикой может быть любое действие, которое принимает индивид, находясь в обществе других индивидов. Для этого необходимо,

чтобы социальное действие, пройдя через многократный цикл повторений, прошло хабитуализацию, что уже непосредственно делает социальное действие социальной практикой.

Таким образом, мы можем видеть признаки, определяющие социальные практики и необходимые нам для дальнейшей работы. Под социальной практикой мы понимаем некое действие, совершаемое индивидом или группой лиц на регулярной основе и возведённое в ранг привычки.

Цель социальной практики – соотношение актора и его представлений о социальной реальности с объективной реальностью для непрекращающейся адаптации и поиска своего места в этой реальности. Таким образом, систематичность и повсеместность исполнения социальных практик гарантирует устойчивость социальных институтов.

Бурдьё, развивая этот вывод, указывает на двойственную (дуалистическую) природу всех социальных практик: с одной стороны, они стабилизируют социальную среду, с другой стороны, они задают её развитие и детерминируют её, определяют новые потенциальные социальные институты. В этом смысле прослеживается диалектика влияния общественного бытия на формируемые в сознании индивидов социальные практики и, наоборот, влияние конкретных социальных практик («сознания») на состояние общественного развития. Зачастую именно оформившиеся в предыдущем поколении социальные практики воздействовали на историческое развитие общественных отношений в более поздние периоды. Однако далеко не все исследователи способны выявить влияние социальных практик на сознание обывателя и общественное бытие в исторической ретроспективе [9]. Так, относительно недавно в отечественной исторической науке сложилось мнение, согласно которому эпоха петровских реформ была бы невозможна без формирования повседневных «модернистских» и «западнических» социальных практик при дворе его пред-

¹ См.: Дугин А. Г. Этносоциология: учебное пособие. М.: Академический проект; Мир, 2011. 639 с.

шественников – главным образом, при Алексее Михайловиче.

Понятие «габитуса» и «габитуализации»

Любопытно, как понятие «социальных практик» и «габитуса» оценивалась философами и социологами иных философских школ и направлений. Так, в противоположность вышеприведённых трактовок, Ж.П. Сартр (которого некоторые исследователи относят к представителям «неортодоксального марксизма») также изучал социальные практики. Однако Сартром, к сожалению, не были раскрыты понятие «габитуса» и его соотношение с категорией социальной практики. Вместе с тем следует отметить, что для Ж. П. Сартра феномен «практики» виделся как акт «движения». Соответственно, социальная практика в этом случае понимается как «движение в рамках социального механизма одновременно с точки зрения объективации (человека, воздействующего на материю) и объективности (тотализированной материи, воздействующей на человека)» [9]. По мнению французского философа, именно объективные и структурные категории так называемого «социального поля», социальной материи являются производными от индивидуальных социальных практик. Это положение интересно в том смысле, что социальная практика, по сути, является явлением «второго порядка» (а габитус – явлением третьего порядка, «вершинной» пирамиды практик). Соответственно, именно индивидуальные практики отдельно взятых пассионарных личностей формируют групповые практики. А уже групповые практики, в свою очередь, оказывают влияние на формирование габитуса в конкретной общественной формации. Дальнейшего изучения в этом смысле заслуживает тезис представителей индивидуалистских философских течений о роли конкретного актора, индивида в формировании конвенциональной, общепринятой социальной практики [12].

Социальная практика (и, как следствие, габитус), хотя и является производным сознания индивида, создавшего индивидуальную практику, формируется на уровнях высшего порядка «неосознанно». Можно утверждать, что происходит некий «социальный отбор» наиболее удачных индивидуальных практик, которые заимствуются на уровне практик групповых. Здесь же нельзя не упомянуть о скрытом конфликте «индивид – группа», т. к. в итоге групповая практика хотя и представляет собой рецепцию практики индивидуальной, но, однако, корректируется «коллективным бессознательным» той социальной группы, которой она воспринимается и реализуется.

Заметим, что значительная часть известных социологических концепций является теоретической, строится на обобщённом знании об объекте или поле исследования. А концепции социальных практик иные, они ориентируются на экспликацию динамики и трансформаций общественного развития и выявлению конкретных паттернов, составляющих повседневную жизнь.

Социальные практики концептуализируются как рациональными, так и иррациональными основаниями. На это обратил внимание П. Бурдьё. Он усмотрел в феноменах социальных практик некоторую нелогичность. Это проявляется с помощью ретроспективного анализа конкретных исторических событий как конкретных практик

Заметим, что авторы концепций социальных практик изучают социальную реальность или социальные практики в контексте габитуализации действий в повседневной жизни. Это влечёт изменение взглядов на социального субъекта, социальные институты, структуру общества. Совокупность изучаемых социальных практик формирует холистическую картину общества. Изучение активности и деятельности социальных субъектов в проекции социальных практик удовлетворяет методологии единства теоретического и эмпирического, причём с неожиданными

подходами и неожиданным, порой нехарактерным для других дисциплин социологической науки инструментарием.

Следовательно, применительно к общественному бытию можно сделать вывод, что так называемые социальные практики являются одновременно выражением господствующих в обществе моделей принятия решений и поведения и, вместе с тем, «дискурсообразующим» феноменом, задающим (детерминирующим) развитие социальной материи на многие годы вперёд. Наконец, крайне важным свойством социальных практик наряду с их «рутинизацией» (и хабитулизацией) является наличие элемента иррациональности. Таким образом, далеко не всякая «новая» социальная практика будет иметь преимущественно конвенционально положительный эффект в среднесрочной или долгосрочной перспективе.

Однако подобно тому, как весь социальный прогресс строится по модели «спирали», т. е. посредством флуктуационного развития, социальные практики (а равно габитусы как совокупность основных социальных практик, существующих в конкретный момент исторического процесса) крайне неоднородны. Они могут сочетать в себе, как было указано выше, одновременно и конвенционально положительные и негативные черты как элемент классического *ratio*, так и случайные, иррациональные свойства. Вместе с тем оценку конкретной совокупности социальных практик, сформированных в момент времени в определённом гомогенном обществе, возможно отрефлексировать постфактум.

В этом смысле отдельного изучения заслуживает вопрос, способен ли в эпистемологическом смысле современный исследователь выявить, во-первых, актуальные

социальные практики, а во-вторых, сравнительно недавние социальные практики (существовавшие 10–20–30 лет назад). В любом случае, данный вопрос не имеет однозначного ответа.

Заключение

В итоге сегодня вопрос изучения и концептуализация социальных практик «на земле», т. е. применительно к практическому (эмпирическому) приложению и их трансформациям, стали как никогда актуальными. Краткий анализ источников [10] демонстрирует, что в российской социогуманитарной науке сгенерирован интерес к изучению социальных практик в разных сегментах социальной и общественной жизни. Речь идёт о:

- рефлексии инновационных технологий через конкретные социальные практики (и влияние на модернизацию промышленности);

- социальных практиках в конфликтологии [1];

- социальных практиках в образовании [5];

- социальных практиках у профессиональных инвесторов и т. д.

Эти примеры демонстрируют важность одновременных изучения конкретных социальных практик (для совершенствования практик в отдельных отраслях хозяйства и общественной жизни) и осмысления их философского измерения. Данный вопрос представляется особенно интересным и является актуальным в условиях геополитических изменений социальной жизни в России. Он требует социально-философской рефлексии с целью проектирования новых социальных практик.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейников А. В. Конфликтная модель России: «Прошлое завтрашнего настоящего» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2014. № 1. С. 43–53.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бурдьё П. Практический смысл / пер. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2020. 560 с.

4. Вебер М. Избранные произведения / сост. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Гаврилюк Т. В. Культурные практики, нормы и предпочтения российской рабочей молодёжи как составляющие её классового габитуса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 3. С. 110–143.
6. Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? / пер. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4. С. 3–25.
7. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / пер. И. Тюриной. 3-е изд. М.: Академический проект, 2018. 528 с.
8. Гирц К. Интерпретация культур / сост. С. Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
9. Михайловский В. С. Методология анализа общества и политики в экзистенциальном марксизме Ж.-П. Сартра // Научные стремления: молодёжный сборник научных статей. 2012. № 1. С. 43–45.
10. Панфилова Е. А. Рефлексия инновационных технологий как фактор модернизации промышленных предприятий // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2 (41). С. 261–268.
11. Парсонс Т. Структура социального действия / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. 4-е изд. М.: Академический проект, 2019. 435 с.
12. Селиверстова Н. А., Короткая Н. Д. Габитус // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 311–315.

REFERENCES

1. Alejnikov A. V. [Conflict Model of Russia: “The Past of Tomorrow’s Present”]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology], 2014, no. 1, pp. 43–53.
2. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality (Rus. ed.: Rutkevich D., transl. Social’noe konstruirovaniye real’nosti. Traktat po sociologii znaniya. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.).
3. Bourdieu P. Practical Reason: On the Theory of Action (Rus. ed.: Bikbov A. T., Voznesenskaya K. D., Zenkin S. N., Shmatko N. A. *Prakticheskij smysl*. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2020. 560 p.).
4. Veber M. Selected Works (Rus. ed.: Davydov Yu. N., comp. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.).
5. Gavriluk T. V. [Cultural Practices, Norms and Preferences of Russian Working Youth as Components of Its Class Habitus]. In: *Zhurnal sociologii i social’noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2021, no. 3, pp. 110–143.
6. Garfinkel’ G. Researches on Etimethodology (Rus. ed.: Korbut A. M., transl. *Chto takoe etnometodologiya?* In: *Socio-logicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2003, vol. 3, no. 4, pp. 3–25.
7. Giddens E. The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration (Rus. ed.: Turina I., transl. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturacii*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2018. 528 p.).
8. Geertz C. The Interpretation of Cultures (Rus. ed.: Levit S. Ya., comp. *Interpretaciya kul’tur*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 560 p.).
9. Mihajlovsky V. S. [Methodology of Analysis of Society and Politics in the Existential Marxism of J.-P. Sartre]. In: *Nauchnye stremleniya: molodyozhnyj sbornik nauchnykh statej* [Scientific Aspirations: Youth Collection of Scientific Articles], 2012, no. 1, pp. 43–45.
10. Panfilova E. A. [Reflection of Innovative Technologies as a Factor in the Modernization of Industrial Enterprises]. In: *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 2015, no. 2 (41), pp. 261–268.
11. Parsons T. The Structure of Social Action Source (Rus. ed.: Chesnokova V. F., Belanovsky S. A., eds. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2019. 435 p.).
12. Seliverstova N. A., Korotkaya N. D. [Habitus]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2015, no. 4, pp. 311–315.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и философии, проректор по развитию персонала Тверского государственного технического университета;
e-mail: pif1997@mail.ru

Морозова Ольга Юрьевна – соискатель кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета, старший научный сотрудник отдела внедрения центра развития информационных технологий Научно-исследовательского института информационных технологий ФСИН России;
e-mail: moroz-75@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, of Psychology and Philosophy, Vice-rector of Personnel Development, Tver State Technical University;
e-mail: pif1997@mail.ru

Olga Yu. Morozova – Postgraduate Student, Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University; Senior Researcher, Implementation Department of the Information Technology Development Center, Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia;
e-mail: moroz-75@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евстифеева Е. А., Морозова О. Ю. Проблема концептуализации социальных практик // *Современные философские исследования*. 2024. № 3. С. 80–86.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-80-86

FOR CITATION

Evstifeeva E. A., Morozova O. Yu. The Concept and General Classification of Social Practices. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 80–86.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-80-86